

— Тори Лав —

Семь ногей до тебя

Тори Лав

Семь ночей до тебя

<https://litres.ru/74668419>

SelfPub; 2026

Аннотация

Хлоя Лефевр — обычный графический дизайнер, живущая в маленькой студии на улице Мартир. У неё нет ни парня, ни собаки, ни даже фикуса — он засох. Есть только работа, паста с тунцом и бесконечное чувство одиночества.

Всё меняется, когда в её снах начинает появляться незнакомец. Она не знает, кто он. Не знает, где живёт. Не знает, существует ли он вообще.

Но однажды утром она открывает галерею телефона и видит их совместное фото.

Она никогда его не делала.

С этого момента её жизнь превращается в головокружительную мистическую историю. Кто он? Почему он появляется в её снах? Как фотографии попадают в телефон? И главное — что произойдёт, когда они встретятся в реальности?

«Семь ночей до тебя» — это роман о том, как любовь может прийти оттуда, откуда её не ждёшь. Как сны становятся реальностью. И как одна случайная встреча может изменить всё.

«История о том, что иногда судьбе нужно больше, чем одно мгновение. Иногда ей нужны семь ночей, чтобы вы решились на первую встречу».

Тори Лав

Семь ночей до тебя

ТОРИ ЛАВ

СЕМЬ НОЧЕЙ ДО ТЕБЯ

Тори Лав

Пролог

Париж, ноябрь. Год назад.

Она никогда не верила в судьбу.

Хлоя считала, что жизнь — это череда случайностей. Ты просыпаешься, работаешь, ешь, спишь, и из этих скучных кирпичей вдруг складывается что-то, что можно назвать «существованием». Никакого смысла. Никакого высшего замысла.

Так было до того, как она увидела его во сне.

Первый раз — просто лицо. Второй — голос. Третий — его руки, которые держали её за плечи. Четвёртый — имя, которое она забыла, проснувшись, но оно застряло в её сердце.

На шестой раз она открыла телефон и увидела их общую фотографию.

Она не знала, как это получилось.

Она не знала, что происходит.

И она не знала, что через неделю её жизнь перевернётся.

Семь ночей до тебя

Но когда она смотрела на снимок, где они стояли на набережной Сены — он в белой рубашке, она в платье цвета лаванды, — внутри неё что-то дрогнуло.

«Кто ты?» — спросила она у пустоты.

Пустота молчала.

Но через семь ночей он явился к ней сам.

Тори Лав

Глава 1. Первое изображение

Париж, 23:47

Хлоя отложила планшет и потёрла глаза. За окном её маленькой студии на улице Мартир уже давно стемнело, но она даже не заметила — как всегда, когда входила в рабочий транс.

Шесть часов. Шесть часов она просидела над иллюстрациями для заказчика из Лиона — какой-то органический йогурт, «нам нужны свежие, натуральные образы, Хлоя, вы же понимаете». Понимала. Она всегда понимала. Понимала, что ей заплатят через месяц, что заказчик попросит ещё двадцать правок, а потом скажет «а давайте вернёмся к первому варианту».

Она потянулась, хрустнув шеей. Спина болела. Глаза щипало. На плите в крошечной кухне стыла паста с тунцом — её ужин, завтрак и, вероятно, обед завтрашнего дня. Хлоя посмотрела на часы на телефоне и вздохнула.

Полночь. Она даже зубы не почистила.

Семь ночей до тебя

Она налила стакан воды из-под крана (фильтр сломался две недели назад, а купить новый она всё забывала), проверила дверь — заперто, хотя в этом доме можно было не запираться, соседи знали всех в лицо — и рухнула в постель.

Кровать была маленькой, скрипучей, с одним хорошим местом посередине. Хлоя знала его на ощупь: если лечь чуть правее, пружина впивалась в поясницу. Она легла точно в центр, натянула одеяло до подбородка и закрыла глаза.

Под одеялом пахло лавандой. Единственное, что осталось от поездки в Прованс два года назад. Тогда она ещё верила, что переезд в Париж — это начало чего-то большого. Что она будет ходить в маленькие кафе, влюбляться в незнакомцев на набережных и пить красное вино на ступеньках Сакре-Кёр.

Вместо этого она сидела ночами над йогуртовыми упаковками и разогревала макароны в микроволновке.

Тори Лав

— Боже, какой жалкий звук, — сказала она сама себе.

Тишина не возразила.

Она сунула руки под щёку, свернулась калачиком и закрыла глаза.

Темнота. Тишина. Гул вентилятора за окном.

Потом — вспышка.

Сон

Она не помнила, как оказалась здесь.

В Париже всегда есть свет. Но в этом Париже он был особенно мягким, золотистым, как мёд на просвет. Хлоя шла по набережной Сены, и каждый камень под ногами был правильным — она знала эту дорогу, хотя никогда не ходила по ней в реальности. Ни разу за три года.

Ветер играл с её волосами. На ней было лёгкое платье — тонкий хлопок, цвет лаванды. Хлоя провела рукой по ткани и удивилась: у неё никогда не было такого платья. Она вообще не носила платья.

Семь ночей до тебя Джинсы, футболки, свитера оверсайз — вот её униформа.

Но сейчас платье сидело идеально.

Будто шили на неё.

Она улыбнулась — сама не зная чему — и подняла голову.

В двадцати шагах от неё стоял он.

Хлоя остановилась. Сердце пропустило удар, хотя она не знала этого человека.

Тёмные волосы, небрежно падающие на лоб. Белая рубашка с закатанными рукавами — наверное, только что с работы. На рубашке не было ни одной складки, но он выглядел так, будто только что снял фартук. На левом предплечье — маленький шрам, похожий на ожог. Она заметила это сразу, хотя не знала зачем.

Он держал руки в карманах брюк и смотрел на неё так, будто ждал всю жизнь.

Не мину́ту. Не де́нь. Всю жи́знь.

— Добры́й ве́чер, — сказа́л он.

Голо́с — низкий, спо́койный, чу́ть хри́пловатый. От него хоте́лось за́крыть

Тори́ Лав

гла́за и слу́шать ве́чность. Хло́я почувствова́ла, как по спине побежа́ли мура́шки.

— Добры́й ве́чер, — отве́тила она.

Собственны́й голо́с прозвуча́л ле́гко, без обы́чной утре́нней хри́поты. Без той уста́лости, кото́рая посели́лась в неё за последние ме́сяцы.

Она подо́шла бли́же. Два ша́га. Ещё́ два. Тепе́рь они сто́яли так бли́зко, что она чувствовало́ запах его оде́колона — что-то с ке́дром и бе́ргамотом. Или ей то́лько ка́залось? Во сне не бу́дет запа́хов.

Но здесь бы́ли.

— Мож́но с ва́ми сфотографи́роваться?

— спроси́ла она.

Слова вы́летели са́ми собо́й. Она не плани́ровала их. Но в э́том сне всё бы́ло прави́льным. Ка́ждое сло́во, ка́ждый ша́г, ка́ждый вдо́х.

Он улы́бнулся. У него бы́ли ямочки на ще́ках — глуже́ с ле́вой сторо́ны, мельче́ с пра́вой. Она заме́тила э́то впе́рвые. Или не́т.

Се́мь но́чей до те́бя Мож́ет, ви́дела уже́ сто́ раз? Мы́сли

пугались, но это не имело значения.

— Конечно, Хлоя.

Он произнёс её имя так, будто слог за слогом пробовал его на вкус. Хло-я. Два слога. Два удара сердца.

Она вытащила телефон — свой, настоящий, тот самый, с треснувшим стеклом в левом углу — и подняла его. Придвинулась ближе. Его плечо коснулось её плеча. Тёплое. Настоящее.

Щёлк.

На экране они оба улыбались, стоя на фоне Сены. За их спинами горели огни музея Орсе. Её волосы разметал ветер. Он смотрел не в камеру — на неё.

— До завтра? — спросил он, когда она опустила телефон.
«До завтра».

Она кивнула, чувствуя, как в груди разливается что-то тёплое и большое. Просыпаться не хотелось. Она хотела
Тори Лав

остаться здесь, в этом золотистом Париже, с этим мужчиной, который знал её имя.

Но реальность уже тянула её за край сознания. Набережная начала таять. Сначала пропали огни музея, потом Сена, потом его лицо.

— До завтра, Габриэль, — услышала она свой голос откуда-то издалека.

Она не знала, откуда взялось это имя. Но оно чувствовалось правильным.

Париж, 07:43

Телефонный звонок вырвал Хлою из сна так резко, что она чуть не свалилась с кровати.

— Хлоя, макеты где? Заказчик уже десять минут в чате,
— голос коллеги — вечно недовольной Софи из Лиона — звучал бодро и требовательно.

— Сейчас, сейчас, — пробормотала

Хлоя, шаря рукой по тумбочке.

Экран телефона горел белым светом.

Она сощурилась, пытаясь сфокусироваться.

Семь ночей до тебя В голове всё ещё плавали обрывки сна. Набережная. Свет. И он.

Она помнила его улыбку. Помнила ямочки на щеках. Помнила запах кедра и бергамота.

Но имя... чёрт, какое же имя?

Оно ускользало, как вода сквозь пальцы. Было там — и вдруг исчезло. Оставило только ощущение: тёплое, большое, пульсирующее где-то под рёбрами.

— Хлоя! — рывкнула Софи в трубку. —

Ты меня слышишь?

— Да-да, я открываю файл, — соврала Хлоя, хотя даже не знала, где лежит этот чёртов файл.

Она сбросила звонок, потянулась к телефону, чтобы ответить в рабочем чате, и открыла глаза.

Экран загорелся — и Хлоя замерла с телефоном в руке, не дыша.

Среди её иконок, между «Почтой» и «Календарём», стояла иконка приложения «Фото». Но дело было не в ней.

Тори Лав

На уведомлении было написано: «Вчера, 23:51 — Добавлено новое фото».

Хлоя уставилась на это уведомление, моргая.

Она не делала никаких фото вчера. Она вообще не выходила из дома. Только работа, ужин — паста с банкой тунца — и сон.

— Что за... — прошептала она.

Сердце забилося где-то в горле.

Она нажала на уведомление.

И увидела себя.

Она стояла на набережной Сены в том самом платье цвета лаванды, которого у неё никогда не было. Рядом — мужчина. Тёмные волосы, белая рубашка, ямочки на щеках.

Его лицо было чётким. В деталях. Таким, что если бы она увидела его в метро — узнала бы сразу. С закрытыми глазами. Связанной.

Она приблизила фото. Увеличила до максимума. Рассмотрела его ресницы, линию скул, маленький шрам на левом

Семь ночей до тебя предплечье — тот самый, который она

заметила во сне.

«Это не может быть совпадением», — подумала она.

Но как? Как фото сна оказалось в её телефоне? С реалистичным освещением, правильными тенями, точной датой и временем?

Хлоя проверила метаданные. Камера: её модель телефона. Дата: вчера, 23:51. Координаты: набережная Сены, напротив музея Орсе.

Её телефон никогда там не был. Она никогда там не была.

Она опустила телефон на одеяло и уставилась в потолок.

В утреннем Париже за окном начинался дождь. Сосед сверху заиграл на саксофоне гаммы — до-мажор, ми-бемоль, снова до-мажор. Мусоровоз загрохотал внизу.

Всё как всегда.

Кроме одного.

Тори Лав

Хлоя снова подняла телефон и посмотрела на фото. На его улыбку. На её счастливое лицо — она не видела себя такой счастливой уже очень давно. Может, никогда.

— Кто ты? — прошептала она.

Фото не ответило.

Но в её груди пульсировало что-то странное, нелогичное, запретное. Что-то, что она не могла объяснить.

На сообщение Софи («Хлоя, ты меня игнорируешь?») она ответила только через двадцать минут. Всё это время она смотрела на фото.

И чувствовала, как между её реальностью и чем-то другим рушится стена.

Вечер того же дня

Хлоя почти убедила себя, что это глюк.

Весь день она работала как робот: открывала файлы, двигала слои, меняла оттенки зелёного на более органичные.

Семь ночей до тебя Между делом раз пятнадцать открывала галерею — фото было на месте. Она даже показала его мысленно (вслух она бы ни за что не призналась) соседской кошке, которая забрела на подоконник. Кошка равнодушно зевнула.

К шести вечера Хлоя выдохлась. Глаза слипались, спина ныла, а заказчик прислал ещё двенадцать правок. Она откинулась на спинку стула, потёрла виски и подумала: «Пять минут. Просто пять минут. Я закрою глаза, а потом доделаю».

Она прилегла на маленький диван в углу комнаты — тот самый, который купила на блошином рынке за сорок евро и который пах старыми книгами и ещё чем-то неуловимым. Свернулась калачиком, как в большой кровати, и закрыла глаза.

Она не спала. Так — дремала. На грани. Слышала, как за окном сигналит машина. Как сосед сверху перестал играть на саксофоне и включил телевизор. Как где-то внизу кто-то громко говорил по телефону.

Тори Лав

И в этой дремоте, в этой серой зоне
между явью и сном, она снова увидела его.

Мельком. Краем глаза. Будто он стоял в углу комнаты и
смотрел на неё. Будто хотел что-то сказать.

А потом — ничего.

Она открыла глаза. Прошло ровно пять минут.

Телефон пиликнул.

«Сегодня, 18:00 — Добавлено новое фото»

Хлоя села на диване так резко, что закружилась голова.

Она не спала. Ну, то есть спала, но не так, как ночью. Она
просто... задремала. На пять минут. Без снов.

Но фото было.

Она открыла галерею дрожащими пальцами.

Новое фото. Они сидят в маленьком парке. За спиной —
старая каменная арка, увитая плющом. Листья уже начали
желтеть. На Хлое — тёплый свитер и шарф (она не

Семь ночей до тебя носила шарфы вообще). Габриэль —
в тёмном пальто, волосы растрепаны ветром. Он смотрит не
в камеру, а на неё. Взгляд — тёплый, чуть удивлённый. Так
смотрят на то, что боятся разбудить.

Она проверила метаданные. Камера: её телефон. Дата: се-
годня, 18:00. Координаты: сквер Трубадуров, 9-й округ.

Она никогда там не была.

Хлоя перевела взгляд на диван. На подушку, где только
что лежала её голова. На телефон в своей руке.

— Я задремала, — сказала она вслух. —

Всего на пять минут. И это... это пришло.

Она открыла карты, ввела «сквер Трубадуров». Сквер существовал. Фотографии в интернете совпадали: та же арка, тот же плющ, те же кованые скамейки.

Она опустила телефон и посмотрела в окно. Там, за мокрым стеклом, мерцали огни Парижа.

«Фото приходят, когда я сплю, — медленно поняла она. — Даже когда просто дремлю. Даже на пять минут».

Тори Лав

Она снова посмотрела на Габриэля на экране.

«Ты тоже спишь, когда я дремлю? Или мы видим друг друга всегда, даже в полусне?» Она не знала ответа.

Но знала одно: она должна его найти.

Семь ночей до тебя

Глава 2. Фото из ниоткуда

Хлоя сделала три глотка кофе, прежде чем решила снова открыть «Фото».

Она сидела на кухне в своей огромной футболке, босиком, с мокрыми после душа волосами. Кофе был отвратительным — дешёвый растворимый, который она купила на акции две недели назад. Но сейчас она не чувствовала вкуса. Только тепло, которое разгоняло утреннюю дрожь.

За окном моросил дождь — обычный парижский вторник. Серый, нудный, без единого просвета. Внизу, как все-

гда, гремел мусоровоз. Сосед сверху играл на саксофоне гаммы. Где-то на улице кричали дети, провожаемые в школу.

Всё как обычно.

Кроме одного.

Она провела пальцем по экрану. Фото открылось — то же самое. Набережная, золотой свет, платье цвета лаванды. И он.

Хлоя приблизила его лицо. Рассмотрела тёмные брови, лёгкую небритость, складку

Тори Лав

у губ — как будто он часто улыбался или, наоборот, часто молчал. Его рука лежала на её плече свободно, без напряжения. Будто они делали так тысячи раз.

— Кто ты? — прошептала она.

Телефон не ответил.

Она пролистала ко второму фото — тому, что пришло вчера в шесть вечера, после её пятиминутной дремоты. Они в парке, каменная арка, плющ. Он в пальто, она в свитере и шарфе. Взгляд у него бережный, почти испуганный.

Она проверила метаданные снова, хотя уже знала их наизусть. Камера: её модель телефона. Координаты: сквер Трубадуrows.

Хлоя встала, подошла к окну и посмотрела в сторону Сены, которой отсюда не было видно. Только крыши, антенны и серое небо.

Мысль, пришедшая в голову, была настолько абсурдной,

что она вслух произнесла её, чтобы проверить, как звучит:
— Я что, хожу во сне?

Семь ночей до тебя

Звучало глупо. Она никогда не лунатила. Да и как она могла сделать селфи во сне? С открытыми глазами? И почему тогда она ничего не помнит?

Второй вариант был ещё хуже: телефон взломали. Кто-то подсунул ей это фото. Но зачем? И откуда у хакера её фотография с незнакомцем на набережной, где Хлоя никогда не была?

Третий вариант она гнала от себя — он пугал больше всего.

А если он существует?

Она представила это на секунду. Представила, что где-то в Париже живёт мужчина с тёмными волосами и ямочками на щеках. Что он тоже проснулся сегодня утром, открыл телефон и увидел их общее фото. Что он тоже сидит сейчас на своей кухне и думает: «Кто она?»

От этой мысли сердце забилося быстрее.

— Прекрати, — сказала она себе. — Ты выдумываешь то, чего нет.

Но она не прекратила.

Тори Лав

День тянулся как жевательная резинка.

Хлоя доделала макеты — те самые, с зелёным, который за-

казчик в итоге забраковал и попросил «более тёплый, весенний оттенок». Она переделала. Потом ещё раз. Потом заказчик написал: «А давайте посмотрим первый вариант?» Она чуть не разбила планшет о стену.

Попила чай. Съела круассан, который купила в пекарне на углу (последний, завтра надо идти за новыми). Переписывалась с подругой из Лиона — та жаловалась на парня, который не мыл за собой посуду. Хлоя не жаловалась ни на что, потому что жаловаться было не на кого.

Она старалась не думать о фото.

Получалось плохо.

Каждые полчаса она открывала галерею — вдруг они исчезли? Но фото были на месте. Два снимка. Два доказательства того, чего не может быть.

В три часа дня она снова открыла «Фото» — и замерла.

Семь ночей до тебя Появилось третье.

Оно не пришло с уведомлением — просто висело в галерее, будто всегда там было. Хлоя проверила время съёмки: сегодня, 14:30.

Она не спала в 14:30. Она работала. Сидела за столом, правила треклятый зелёный цвет, пила чай и слушала подкаст о дизайне интерьеров (ничего интересного, просто фон).

Она не дремала. Не закрывала глаза.

Она была в полном сознании.

И всё равно фото появилось.

На этот раз они стояли на мосту Искусств. За их спинами блестела Сена, закатное солнце красило небо в розовый. На Хлое было то же лавандовое платье (она начала ненавидеть это платье, которого у неё не было). Габриэль держал её за руку. Просто держал. Без всякого намёка на поцелуй или объятие. Пальцы переплетены, ладони вместе.

Она приблизила фото до максимума.

Рассмотрела их руки. Её ногти были

Тори Лав

накрашены — она не красила ногти уже полгода. Его пальцы выглядели ухоженными, но с парой маленьких шрамов — похоже, он часто резался.

Хлоя опустила телефон и уставилась в потолок.

— Это не сон, — сказала она. — Я не спала. Я вообще не спала.

Она снова посмотрела на время: 14:30.

И вдруг вспомнила.

В 14:25 она на пять минут закрыла глаза. Просто прилегла на стол, положив голову на сложенные руки. Устала после третьей правки. Не спала — так, прилегла. Но глаза закрыла. И может быть... может быть, на секунду провалилась в ту серую зону, где нет снов, но есть он.

— Чёрт, — прошептала она.

Правило менялось. Фото приходили не только после сна.

Они приходили после любого момента, когда она теряла контроль над сознанием. Даже на секунду.

Семь ночей до тебя

Она посмотрела на Габриэля на фото. На его пальцы, переплетённые с её пальцами.

«Ты чувствуешь это? — подумала она. — Ты тоже закрываешь глаза днём? Ты тоже теряешь контроль?»

Она не знала ответа.

Но знала: она больше не контролирует свою жизнь.

Вечером Хлоя решилась на отчаянный шаг.

Она взяла третье фото — то, где они держатся за руки на мосту — и загрузила его в приложение для поиска по лицу. Она знала, что это безумие. Что искать человека по фотографии из сна — это уровень клиники. Но она уже переступила грань безумия где-то между вторым и третьим снимком.

Приложение работало полчаса. За это время Хлоя успела выпить ещё чашку чая, помыть посуду, вытереть пыль с подоконника и трижды проверить, не пришло ли новое фото.

Тори Лав

Не пришло.

Зато пришёл результат поиска. Ноль совпадений.

— Конечно, — сказала она вслух. —

Потому что его не существует.

Но она не поверила себе.

Она открыла браузер и набрала в поиске: «Париж, мужчина, тёмные волосы, шрам на левой руке».

Результатов было полтора миллиона.

Хлоя закрыла ноутбук и легла на диван. «Я схожу с ума, — подумала она. — У

меня галлюцинации. Или шизофрения. Или опухоль мозга».

Она уже почти убедила себя пойти к врачу, когда телефон пикинул снова.

«Сегодня, 21:47 — Добавлено новое фото»

Она открыла его дрожащими руками.

На этот раз они были в помещении. Маленький ресторан — свечи, белые скатерти, вино в бокалах. Она сидела

Семь ночей до тебя напротив него, и он что-то говорил — рот приоткрыт, глаза серьёзные. Она смотрела на него с улыбкой.

На столе между ними лежал телефон. Экран телефона был включён. Хлоя приблизила фото до максимума, разглядела отражение в чёрном стекле.

Там, в отражении, было видно, кто делает этот снимок. Она.

Её собственная рука держала телефон.

Её пальцы нажимали на кнопку.

Она сделала это фото. Во сне. Или в реальности. Она больше не различала.

Хлоя отложила телефон, закрыла глаза и почувствовала, как по щеке скатилась слеза.

Она не плакала от страха. Она плакала оттого, что поняла одну простую вещь: она уже влюблена в человека, которого никогда не видела.

И это самое безумное, что с ней случилось.

Тори Лав

В тот же вечер, на другой стороне
Парижа.

Ресторан «Ле Сенк» закрылся в час ночи. Последние гости — пожилая пара из Милана — вышли под ручку, оставив щедрые чаевые. Габриэль проводил их взглядом через окно, потом вернулся на кухню.

Луи, его су-шеф, уже мыл посуду.

— Шеф, вы сегодня сами не свой, — сказал Луи, не оборачиваясь. — Три раза пересолили соус для утки. Это не похоже на вас.

— Устал, — коротко ответил Габриэль.

— Вы спите?

— Сплю.

Луи обернулся и посмотрел на него долгим взглядом. Они работали вместе три года — ещё в «Плазе Атене». Луи умел читать его лицо.

— Врёте, — сказал Луи. — Но ладно.

Ваше дело.

Семь ночей до тебя

Он ушёл в подсобку. Габриэль остался один.

Он достал телефон.

Три новых фото за сегодня. Утро: они держатся за руки на мосту Искусств. День: она ест круассан в пекарне на улице Мартир, а он сидит напротив и смеётся. Вечер: они в ресторане, и она смотрит на него с такой нежностью, что у него перехватывает дыхание.

Он не делал эти фото.

Но его телефон думал иначе.

Габриэль провёл пальцем по экрану, остановился на третьем снимке. Увеличил. Рассмотрел её лицо — каштановые волосы, зелёные глаза (кажется, зелёные?), лёгкие веснушки на переносице.

— Кто ты? — прошептал он в пустоту кухни.

Телефон молчал. Но в груди пульсировало что-то тёплое и тяжёлое.

Тори Лав

Он вышел из ресторана через служебный вход, где ждал его чёрный «Мерседес». Водитель открыл дверцу.

— Домой, месье Моро?

— Да.

Машина тронулась. Габриэль смотрел в окно на огни Парижа, которые проплывали мимо, и думал о девушке, которую никогда не встречал.

Он не знал, как её зовут. Не знал, где она живёт. Не знал,

существуют ли их общие фото в её телефоне или только в его.

Но он знал одно: он больше не чувствует себя одиноким. И это пугало его сильнее, чем любая проверка Мишлена. Семь ночей до тебя

Глава 3. Тень за спиной

Следующие три дня Хлоя жила в странном режиме: она почти перестала работать, зато научилась засыпать за три минуты в любом положении — сидя за столом, лёжа на диване, даже стоя в очереди в супермаркете (пришлось опереться на тележку, но она справилась).

Каждый вечер она ложилась в постель с телефоном в руке, закрывала глаза и шептала в темноту: «Габриэль». Имя вернулось к ней на второй день — неожиданно, во время мытья посуды. Она просто вспомнила его, целиком, со звуком, с ударением на последний слог. Га-бри-эль. Три слога. Три удара сердца.

А утром просыпалась и сразу открывала галерею.

Фотографии приходили.

В среду — они в книжном магазине на набережной. Габриэль держит старую книгу в кожаном переплёте (Хлоя приблизила — «Сто лет одиночества», её любимый роман). Она заглядывает ему через плечо, и их

Тори Лав

головы почти касаются. На заднем плане — продавец, который смотрит на них с улыбкой. Фото пришло в 8 утра, по-

сле того как Хлоя проспала восемь часов подряд — впервые за долгое время.

В четверг — на крыше какого-то дома. Внизу весь Париж, Эйфелева башня на горизонте, золотой час перед закатом. Они пьют вино из бумажных стаканчиков (откуда на крыше бумажные стаканчики?), и он поправляет прядь волос у неё с лица. Его пальцы застыли в воздухе — кажется, фото поймало момент между касанием и отведённой рукой. На Хлое платье, которого она никогда не видела в реальности — шёлковое, цвета бордо. Фото пришло в 6 вечера, после того как она задремала на двадцать минут между заказчиками.

В пятницу — самое странное. На фото они просто сидят на скамейке в том самом сквере Трубадуров. И у обоих такие лица, будто они только что поссорились. Она отвернулась, он смотрит в землю. Но пальцы их рук переплетены, и он сжимает её ладонь так, будто боится, что она встанет

Семь ночей до тебя и уйдёт. Фото пришло без всякого сна — Хлоя просто моргнула слишком долго, сидя за рабочим столом. Открыла глаза — а оно уже здесь.

Хлоя рассматривала эти фото часами. Увеличивала, изучала фон, пыталась разглядеть вывески, номера машин, названия улиц. Она чувствовала себя детективом, который расследует собственное безумие.

И постепенно начала замечать закономерность.

Все фото были сделаны в её районе. В радиусе пятнадцати минут пешком от её дома на улице Мартир. Пекарня, где

она покупала круассаны. Книжный, мимо которого проходила каждое утро. Мост, под которым она иногда сворачивала к метро. Даже сквер Трубадуров — она нашла его на карте, и он оказался в восьми минутах ходьбы.

Он живёт где-то рядом, — поняла Хлоя. И от этого открытия у неё перехватывало дыхание.

Тори Лав

В субботу утром она решила действовать.

Она взяла самое информативное фото — то, где они сидят на скамейке в сквере Трубадуров. Внимательно изучила фон: старая чугунная ограда (с копиями наверху, как в фильмах про средневековье), за ней — угол серого здания с зелёными ставнями. И дерево с кривым стволом, похожим на букву «S».

Хлоя открыла карты на телефоне и начала листать ближайшие скверы.

Первый — сквер Бастера (слишком ухоженный, без кривых деревьев, ограда современная).

Второй — сквер Жанны д'Арк (там фонтан и памятник, ничего похожего).

Третий — сквер Трубадуров. Она уже знала его по карте, но теперь сравнила фотографию из интернета со своим фото.

Старая чугунная ограда с копиями — совпадает. Серое здание с зелёными

Семь ночей до тебя ставнями — совпадает. Дерево с кри-
вым стволом — есть.

— Есть, — выдохнула Хлоя.

Она надела джинсы, свитер (тот самый, что на фото? Она
проверила — нет, у неё не было такого свитера. На фото был
тёплый, крупной вязки, песочного цвета. У Хлои был серый,
тонкий, с катышками на локтях. Она надела его. Лучше, чем
ничего), кеды и куртку.

Посмотрела на себя в зеркало. Под глазами круги — по-
следние три ночи она почти не спала, но именно почти: спа-
ла ровно настолько, чтобы увидеть сны. Остальное время ле-
жала с открытыми глазами и думала о нём.

Волосы она собрала в пучок, потом распустила, потом
снова собрала. Помаду нашла на дне косметички — един-
ственную, розовую, купленную в прошлом году на распро-
даже. Нанесла, стёрла, нанесла снова.

«Ты ведёшь себя как-будто собираешься на свидание», —
сказала она себе.

Тори Лав

— Ты сошла с ума, — сказала она своему отражению. —
Ты идёшь искать незнакомца из сна по фотографии, которую
твой телефон сделал сам.

Отражение не возразило. Может, потому что у него тоже
был этот блеск в глазах — тот самый, когда перестаёшь бо-
яться, потому что интерес сильнее страха.

Сквер на улице Жандармов (Хлоя перепутала название — на самом деле сквер назывался «Сквер Трубадуров», но табличка была только у входа, а она вошла с другой стороны) оказался крошечным — три скамейки, два старых платана, потрескавшийся фонтан с лягушкой посередине. Вокруг — обычные парижские дома, никаких туристов, только местные с собаками.

Хлоя обошла его дважды. Скамейка с фото стояла в дальнем углу, спиной к стене с зелёными ставнями. Та самая. Скованными подлокотниками и доской, на которой кто-то выцарапал сердце.

Семь ночей до тебя

Она села на неё.

Здесь. Они сидели здесь. Наверное, ночью. Или во сне. Или в том сером промежутке между, где реальность перестаёт быть реальностью. Хлоя уже путалась, где заканчивается одно и начинается другое.

Она достала телефон и сделала селфи. Одна на скамейке, без Габриэля. Фон — та же стена с зелёными ставнями, то же дерево с кривым стволом.

«Доказательство, что я здесь была», — подумала она. Хотя доказательство для кого? Для себя? Для него? Для врача, который поставит ей диагноз?

Вокруг было тихо. Только воробьи дрались из-за крошки на дорожке. Где-то вдалеке играла шарманка — кто-то развлекал туристов на соседней улице.

Хлоя просидела на скамейке полтора часа.

Ждала. Не зная чего. Может, он вдруг выйдет из-за угла в тёмном пальто. Может,

Тори Лав

мир щёлкнет, как фотоаппарат, и они окажутся на том самом снимке.

Она представила это: он подходит, садится рядом, поворачивается к ней и говорит: «Привет. Я ждал тебя». А она не знает, что ответить, потому что во сне она смелая и красивая, а в реальности — просто Хлоя, у которой на локтях катышки и которая забыла купить хлеб.

Ничего не случилось.

Она встала, отряхнула джинсы и пошла к выходу. У самых ворот обернулась. Скамейка пустовала.

Никого.

— Идиотка, — прошептала она себе под нос. — Что ты здесь забыла? Его не существует. Это всё телефонный глюк. Или опухоль мозга.

Она почти поверила в это.

Почти.

Час спустя. Пекарня на улице Мартир.

Семь ночей до тебя

Хлоя зашла за круассаном, потому что возвращаться домой голодной было бы окончательным поражением. Очередь была маленькой — два человека впереди. Она встала, уста-

вилась в телефон (проверила галерею — новых фото не было) и начала прокручивать рабочие чаты.

— Следующий, — позвала продавщица.

Хлоя подняла голову, сделала шаг к стойке — и замерла.

Краем глаза она увидела мужчину у окна. Тёмные волосы. Белая рубашка с закатанными рукавами. Он сидел за столиком, сжимал в руке круассан и смотрел на неё.

Она обернулась резко, чуть не задев локтем старушку сзади.

Но за столиком никого не было.

Пустой стул. На тарелке — надкусанный круассан. На столе — чашка кофе, ещё тёплая.

— Девушка, вы будете заказывать? — продавщица смотрела на неё с подозрением.

Тори Лав

— Да, — Хлоя проглотила ком в горле.

— Круассан и чёрный кофе, пожалуйста.

Она взяла заказ, вышла на улицу и прислонилась спиной к тёплой стене пекарни.

«Ты его не видела, — сказала она себе. — Ты просто хочешь его увидеть. Тебе показалось».

Она посмотрела на круассан в руке. Надкусила. Тёплый, масляный, рассыпчатый.

«Он был здесь, — подумала она. — Я знаю. Я чувствую».

Она не обернулась. Ушла быстрым шагом, не глядя по сторонам.

А если бы обернулась — увидела бы, как из пекарни вышел мужчина в белой рубашке и посмотрел ей вслед.

Но она не обернулась.

Дома.

Семь ночей до тебя

Хлоя открыла дверь своей студии, скинула кеды у порога, прошла на кухню, поставила чайник. Всё на автомате.

Потом села за стол, открыла телефон и замерла.

Новое фото.

Она стоит внутри пекарни. Спинай к камере, заказывает кофе. А на заднем плане — в отражении витрины — виден мужчина, сидящий за столиком у окна.

Его лицо размыто, но Хлоя узнала бы его где угодно.

Габриэль.

Он был там. В тот же час. В том же месте.

Она сделала это фото? Кто-то другой?

Или телефон снова сработал сам?

Она проверила метаданные: сегодня,

14:32. Время, когда она стояла в очереди.

Она опустила телефон и закрыла лицо руками.

«Мы были в одном месте, — поняла она. — В одно время. На расстоянии вытянутой руки».

Тори Лав

Ей вдруг стало трудно дышать. Она подошла к окну, открыла его настежь, вдохнула холодный парижский воздух.

Внизу на улице кто-то сигналил. Сосед сверху снова играл на саксофоне — «La Vie en Rose», медленно и грустно.

Хлоя смотрела вниз, на прохожих, на машины, на серое небо.

«Где ты? — подумала она. — Ты рядом.

Я знаю, что ты рядом».

Она не знала, что в эту самую минуту, в восьми минутах ходьбы от её дома, в квартире с видом на Эйфелеву башню, Габриэль смотрел на то же фото.

И тоже думал: «Мы были так близко.

Почему я не подошёл?»

Он не знал ответа.

Но знал, что завтра попробует снова.

Семь ночей до тебя

Глава 4. Почти касание

Габриэль проснулся в пять утра.

Не от будильника — он отключил будильник ещё год назад, когда понял, что его тело само знает, когда пора вставать. Проснулся оттого, что телефон снова завибрировал. Коротко. Один раз.

Он не смотрел в экран. Он знал: там новое фото.

Последние четыре дня его жизнь превратилась в странный ритуал. Работа в «Ле Сенк» — двенадцать часов на ногах, соусы, текстуры, его собственный голос, который орёт, если трюфель на полсантиметра толще положенного. Он здесь главный. И это значит, что ошибаться нельзя вообще.

Он сел на кровати, потянулся за телефоном. Экран горел в темноте спальни, освещая высокие потолки, старинную лепнину и панорамное окно, за которым спал Париж.

Тори Лав

Квартира на набережной была его первой большой покупкой после того, как «Ле Сенк» получил третью звезду. Четыре комнаты, отделка деревом, ванна с ножками-львиными лапами и вид на Эйфелеву башню — такой, что туристы платили бы сотни евро за селфи на балконе. Габриэль почти не бывал здесь. Спал, иногда завтракал, уходил. Квартира была красивой гробницей, в которой он жил один.

Новое фото.

Она сидит на скамейке в сквере — том самом, где он был вчера. На ней джинсы и свитер (серый, тонкий, с катышками на локтях — он заметил эти катышки, и почему-то именно они заставили его сердце сжаться). Волосы собраны в небрежный пучок, выбившиеся пряди падают на лицо. Она смотрит в телефон, и лицо у неё сосредоточенное, почти сердитое.

И немного испуганное.

Габриэль помнил этот сквер. Он оказался там случайно — просто поехал не в ту сторону, потому что думал о ней. Свернул

Семь ночей до тебя на набережную, бросил машину у тротуара (оштрафуют — и чёрт с ним, тысяча евро штрафа для него мелочь, но дело не в деньгах, а в том, что он вообще

позволил себе такое — бросить машину посреди центра Парижа, потому что думал о девушке из сна).

Он прошёл мимо старых платанов, фонтана с лягушкой, увидел скамейку. Она стояла в дальнем углу, спиной к стене с зелёными ставнями. Обычная скамейка. Таких сотни в Париже.

И почему-то сел на неё.

Посидел пять минут. Просто смотрел на фонтан, на воробьёв, на пожилую пару, которая кормила голубей. Думал о ней. О девушке, которой не существует. О том, что если бы она вдруг появилась здесь, он бы не знал, что сказать.

Встал и ушёл.

А через час в телефоне появилось это фото. На котором она сидит на той же скамейке. И кто-то (он?) делает снимок из-за кустов.

Тори Лав

Он увеличил фото. Рассмотрел её лицо — усталое, но красивое. Такое, какое хочется рассматривать при свечах. Или утром, когда просыпаешься и видишь его на подушке рядом. — Кто ты? — спросил он в шестой раз.

Телефон молчал.

Но Габриэль уже знал ответ на другом уровне. Не умом — нутром. Он знал, что она существует. Что она где-то рядом. Что эти фото — не глюк, не взлом и не безумие.

Они были слишком правильными для безумия.

Ресторан «Ле Сенк», несколько часов спустя.

В «Ле Сенк» всё было идеально. Всегда.

Скатерти — хлопок высшего качества, который гладили каждое утро. Приборы — серебро, которое полировали каждый час. Свет приглушённый, музыка тихая, запах трюфеля и топлёного масла, такой густой, что он чувствовался даже на улице, если ветер дул с правильной стороны.

Семь ночей до тебя

Габриэль стоял у своей плиты и смотрел, как его су-шеф Луи выкладывает соус на тарелку. Идеальный круг. Идеальный оттенок.

— Переделай, — сказал Габриэль.

— Но, шеф...

— Луи, цвет тёмный. Должен быть золотистым, как...

Он не договорил. Потому что хотел сказать: «как её волосы в том сне, где она стояла на мосту и светилась в лучах заката». Но это было бы странно. Даже для его снов.

— Переделай, — повторил он тише.

Луи кивнул и убрал тарелку. Он работал с Габриэлем уже три года — ещё в «Плазе Атене» до того, как Габриэлю предложили «Ле Сенк». Луи видел его разным: злым, уставшим, вдохновлённым, опустошённым. Но таким — рассеянным, смотрящим сквозь людей — никогда.

— Шеф, — осторожно сказал Луи, вернувшись к своей плите, — вы в порядке?

Тори Лав

— Да.

— Потому что вы уже три дня солите соус дважды.

Габриэль посмотрел на свои руки. На маленькие шрамы от ножей — профессиональные отметины. Они не дрожали. Но он не помнил, чтобы солил соус дважды.

— Всё под контролем, — сказал он.

Луи ничего не ответил. Только переглянулся с младшим поваром и покачал головой.

Габриэль вытер руки о полотенце и отошёл к окну. За стеклом — Париж, подсвеченный огнями. Эйфелева башня мигала каждые пятнадцать минут, как обезумевший маяк. Он смотрел на неё и думал о девушке.

Он уже год был шеф-поваром в «Ле Сенк». Мечта любого повара во Франции. И он её достиг. Три звезды Мишлен, лучшие продукты, весь ресторан — его ответственность. Кристиан Ле Скер ушёл на покой полгода назад, лично передав ему

Семь ночей до тебя ножи. «Ты справишься», — сказал тогда Кристиан и хлопнул по плечу. В его голосе не было сомнений.

Габриэль пока не был в этом так уверен. Не потому, что не умел готовить. Умел. Лучше многих. А потому, что каждую ночь ему снилась девушка, которой не существовало. И каждое утро в телефоне появлялись доказательства, что она существует.

Как можно управлять рестораном уровня Мишлен, если ты не управляешь собственной головой?

После смены (два часа ночи, зал пуст, свет погашен, только дежурная лампа над его плитой) Габриэль сидел в своём кабинете. Маленькая комната без окон, с планом меню на стене и кофемашиной за пять тысяч евро. Он открыл галерею.

Три новых фото за сегодня. Нет, четыре.

Одно пришло, пока он стоял у плиты.

Первое — она на скамейке в сквере (тот самый снимок, который он видел утром).

Тори Лав

Второе — она идёт по улице Мартир, жуёт круассан и смотрит по сторонам. На заднем плане — он сам. Его отражение в витрине пекарни. Он стоит в дверях и смотрит на неё.

Габриэль помнил это мгновение. Он зашёл в пекарню, потому что хотел понять, почему она всё время там появляется. Купил круассан, сел у окна. А потом она вошла.

Реальная. Живая. В сером свитере с катышками и кедах, которые видали лучшие дни.

Она не заметила его. Сделала заказ, взяла круассан, вышла. А он сидел и сжимал в руке свой круассан, который уже остыл, и не мог пошевелиться.

Потому что шеф-повар лучшего ресторана Парижа, чело-

век, который не боится ни критиков, ни проверок Мишлена, ни двадцати часов на ногах, оказался трусом.

Третье фото — она стоит у окна пекарни, уже снаружи. Прислонилась спиной к тёплой стене, надкусывает круассан. Её лицо —

Семь ночей до тебя растерянное, счастливое, испуганное. Она что-то поняла. Она почувствовала, что он был рядом.

Четвёртое фото — последнее. Они стоят обнявшись на ночной улице. Фонарь над ними горит жёлтым светом. Его лицо уткнулось в её волосы. Её руки обхватили его за талию. Фото, которого не могло быть. Потому что они ещё не сделали этого в реальности.

Габриэль закрыл галерею и уронил голову на сложенные руки.

Он не знал, сколько просидел так.

Минуту. Десять. Луи постучал в дверь:

— Шеф, всё нормально?

— Да. Иди домой.

— Вы остаётесь?

— Остаюсь.

Дверь закрылась. Габриэль поднял голову, посмотрел на своё отражение в тёмном экране телефона. Под глазами круги, щетина, взгляд сумасшедшего.

Тори Лав

— Ты должен её найти, — сказал он себе.

— Или ты сойдёшь с ума.

Он встал, накинул пальто, вышел через служебный вход. Водитель уже ждал — чёрный «Мерседес» у тротуара, двигатель работает.

— Домой, месье Моро?

— Нет. — Габриэль назвал адрес. Улица Мартир. — Жди здесь.

Водитель поднял бровь, но не возразил. Он привык к странностям своего хозяина. В конце концов, он возил шеф-повара «Ле Сенк», а у тех всегда свои тараканы.

В три часа ночи Габриэль стоял под окнами дома, которого никогда раньше не видел, но который узнал с первого взгляда.

По карнизам. По ставням цвета слоновой кости. По третьему этажу, где горел свет. Она не спала.

Он смотрел на этот свет и думал: «Подняться? Позвонить в домофон? Что я скажу? "Здравствуйте, я Габриэль Моро,

Семь ночей до тебя шеф-повар "Ле Сенк", вы мне снитесь, давайте сфотографируемся"?»

Он представил её лицо, если бы он это сказал. Испуганное. Осторожное. Может быть, она вызвала бы полицию. Может быть, просто закрыла бы дверь.

Он не поднялся.

Простоял под окнами десять минут. Потом двадцать. По-

том полчаса. Свет на третьем этаже не погас.

В какой-то момент ему показалось, что она подошла к окну. Силуэт, чашка в руке. Она смотрела вниз — на улицу, на ночной Париж, на него.

Он замер. Сердце забилося так сильно, что он слышал его стук в ушах.

Силуэт замер тоже.

Пять секунд. Десять. Двадцать.

Потом она отвернулась и ушла в глубину комнаты.

Габриэль выдохнул. Он не знал, видела ли она его. Наде-
лся, что нет. И надеялся, что да.

Тори Лав

Он сел в машину.

— Домой, — сказал водителю. — Месье, вы промокли.
Уже час идёт
дождь.

Габриэль посмотрел на свои плечи. Пальто было тёмным от воды. Он не заметил.

— Домой, — повторил он.

Машина тронулась. Габриэль смотрел в окно на удаляющиеся огни улицы Мартир.

Он уехал. Не поднялся. Не постучал. Не позвонил.

Трус.

В шесть утра, когда он уже засыпал, телефон пиликнул.

Новое фото.

Она стоит у окна на своей кухне, пьёт чай и смотрит на улицу. В окне отражается её силуэт — и за ним, в темноте, чёрная машина, которую он не узнал.

Потому что это была его машина.

Семь ночей до тебя

Она сделала это фото. Сама. Или телефон сделал за неё.

Но она видела его. В три ночи. Она стояла у окна и смотрела, как он уезжает.

«Приходи завтра», — было написано у неё на лице. Он это знал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.